

**ТЕМАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИМЁН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКИХ И УЗБЕКСКИХ ПОСЛОВИЦАХ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Давлятова Гульчехра Насыровна

*Кандидат педагогических наук, профессор кафедры русской филологии
Ферганского государственного университета*

Ахмадиллаева Замира Рустамовна

Учитель начальных классов, школы №8 города Ферганы

Аннотация: В данном исследовании рассматривается тематико-семантическая организация имён существительных, функционирующих в составе русских и узбекских пословиц и поговорок. На материале свыше трёхсот паремиологических единиц выделены основные лексико-тематические группы существительных (человек и его качества, семья и родство, животный и растительный мир, предметы быта, природные явления, абстрактные понятия), выявлена их количественная представленность и функциональная нагрузка в паремиологическом тексте.

Ключевые слова: паремиология, пословица, имя существительное, тематико-семантическая группа, языковая картина мира, сопоставительное языкознание, русский язык, узбекский язык.

Пословицы и поговорки представляют собой один из наиболее устойчивых пластов лексической системы языка, в котором в свёрнутой, афористической форме зафиксирован многовековой опыт народа, его нравственные установки, представления о мире и человеке. Особое место в структуре паремиологической единицы занимает имя существительное – часть речи, которая по своей номинативной природе способна называть предметы, лица, явления и абстрактные понятия, формирующие предметно-понятийную основу пословичного высказывания. Изучение существительного как ключевого структурного и семантического компонента пословицы позволяет реконструировать фрагменты языковой картины мира и выявить как универсальные, так и национально специфические черты народного мышления.

Актуальность обращения к сопоставительному изучению тематико-семантических групп существительных в русском и узбекском паремиологическом материале обусловлена несколькими факторами. Во-первых, сопоставительная паремиология остаётся востребованным направлением современной лингвистики, поскольку позволяет выявлять закономерности отражения действительности в неблизкородственных

языковых системах. Во-вторых, узбекский и русский языки, принадлежащие к разным языковым семьям – тюркской и славянской, – сформировались в существенно различных географических, хозяйственно-бытовых и религиозно-культурных условиях, что делает их пословичный фонд богатным материалом для выявления культурно обусловленной вариативности лексики. В-третьих, несмотря на значительное количество работ, посвящённых грамматике и семантике паремий по отдельности в русском и узбекском языкознании, работ, системно сопоставляющих именно тематическую организацию существительных в паремиях двух языков, по-прежнему недостаточно.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных паремиологов и фразеологов, заложивших основы структурно-семантического и лингвокультурологического изучения пословичного фонда. Так, Г. Л. Пермяков рассматривал пословицу как особый логико-семиотический знак, план содержания которого организован вокруг типовых жизненных ситуаций, а план выражения строится на конкретных, предметно-бытовых образах [1, с. 24–31]. Подобный подход даёт основание полагать, что предметная лексика, и в частности имена существительные, выполняет в пословице не только номинативную, но и обобщающе-типизирующую функцию, поскольку через конкретный образ (волк, хлеб, дом, дорога) передаётся абстрактное суждение о человеческих отношениях, труде, судьбе.

Значимой для настоящего исследования является также концепция языковой картины мира, разработанная в трудах В. Н. Телия, согласно которой фразеологический и паремиологический состав языка представляет собой своеобразное «зеркало» национального самосознания, фиксирующее культурно значимые смыслы посредством устойчивых образных единиц [2, с. 9–15]. Применительно к тюркоязычному материалу аналогичные положения развиваются в работах узбекских языковедов, изучающих пословицы (мақол) и поговорки (матал) как форму хранения этнокультурного опыта, тесно связанную с традиционным укладом жизни, земледельческой и скотоводческой практикой, а также с исламскими этико-нравственными представлениями [3, с. 46–52].

Под тематико-семантической группой в настоящей работе понимается объединение слов одной части речи, связанных общностью предметно-логического содержания и способных заполнять сходные позиции в лексико-семантической системе языка независимо от их синтагматических связей. В отличие от лексико-семантической группы, тематическая группа строится не на основе общности семантических компонентов в структуре значения, а на основе внеязыковой, денотативной общности обозначаемых реалий, что делает данный подход особенно удобным для сопоставительного анализа

лексики двух разноструктурных языков, поскольку позволяет абстрагироваться от различий в их грамматических системах и сосредоточиться на предметно-понятийном содержании паремий.

Материалом для анализа послужили русские пословицы, извлечённые из сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» [4], и узбекские пословицы, представленные в лексикографических и фольклористических источниках узбекского языка [5]. Методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано свыше трёхсот паремиологических единиц каждого языка, содержащих имена существительные в качестве ключевых лексических компонентов.

Анализ русского паремиологического материала позволил выделить несколько устойчивых тематико-семантических групп имён существительных, различающихся по степени продуктивности и частотности употребления.

Наиболее многочисленной является группа существительных, обозначающих человека, его социальные роли, физические и нравственные качества (человек, друг, враг, дурак, мастер, богач, бедняк, сосед, гость, работник). Показательны пословицы «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», «Друг познаётся в беде», в которых существительные друг, беда выступают опорными смысловыми компонентами, вокруг которых строится всё паремиологическое высказывание. Второе место по продуктивности занимает группа существительных, называющих реалии семейно-родственных отношений (мать, отец, сын, дочь, брат, жена, муж, семья), что отражает традиционную для русской крестьянской культуры ценность семьи и родственных связей.

Значительное место занимает группа существительных, обозначающих объекты природы и природные явления (лес, поле, вода, огонь, ветер, мороз, солнце, земля). Данная группа тесно связана с земледельческим укладом жизни русского крестьянства и во многом определяет метафорическую образность пословиц, ср.: «Что посеешь, то и пожнёшь», «Не всё коту масленица». Тематическая группа зоонимов (волк, медведь, конь, собака, кошка, курица) отличается высокой продуктивностью и выраженной оценочной функцией: животные в русской паремиологии традиционно наделяются устойчивыми символическими характеристиками (волк – символ жадности и опасности, конь – трудолюбия и выносливости).

Отдельную группу составляют существительные, обозначающие предметы быта и орудия труда (хлеб, соль, топор, лапоть, изба, печь), а также абстрактные существительные, называющие морально-этические и социальные понятия (правда, ложь, честь, труд, лень, богатство, бедность, судьба). Последняя группа особенно показательна с точки зрения прагматической функции пословицы, поскольку именно через абстрактные

существительные формулируется её оценочно-дидактическое содержание, ср.: «Правда глаза колет», «Терпение и труд всё перетрут».

Сопоставимый анализ узбекского паремиологического материала обнаруживает как структурное сходство с русским материалом на уровне общего набора тематических групп, так и заметные различия в их лексическом наполнении и удельном весе.

Группа существительных, называющих человека и его качества (одам – человек, дўст – друг, душман – враг, олим – учёный, бой – богач, камбагал – бедняк), также является одной из наиболее многочисленных в узбекском пословичном фонде, что подтверждает общечеловеческий, антропоцентрический характер паремиологического содержания. Существенное своеобразие проявляется в группе существительных, обозначающих семейно-родственные и социально-возрастные отношения: наряду с общими для обоих языков понятиями (она – мать, ота – отец, ака – старший брат) узбекский язык располагает разветвлённой системой терминов, отражающих иерархию родства и старшинства (катта – старший, кичик – младший), что в пословицах реализуется в виде особого акцента на уважении к старшим, ср.: «Катта гапирганда кичик жим турсин» («Когда говорит старший, младший должен молчать»).

Тематическая группа природных реалий в узбекских пословицах включает как общие для обоих языков наименования (сув – вода, тупроқ – земля, қуёш – солнце), так и лексику, специфичную для аридного, ирригационно-земледельческого хозяйственного уклада Средней Азии (арик – оросительный канал, дала – поле/степь, боғ – сад). Показательна высокая продуктивность существительных, связанных с садоводством и бахчеводством (узум – виноград, тут – тутовник, тарвуз – арбуз), что отражает специфику традиционного земледелия узбекского народа и практически не имеет прямых соответствий в русском пословичном материале.

Зоонимическая группа в узбекских пословицах также продуктивна, однако обнаруживает иной набор культурно значимых образов: наряду с общими для тюркских и славянских паремий образами волка (бўри) и собаки (ит) особое место занимает образ верблюда (туя) и осла (эшак), связанный с традиционным кочевым и караванным бытом региона. Абстрактные существительные, обозначающие морально-этические понятия (ҳақиқат – правда, меҳнат – труд, ор-номус – честь, дуст – дружба), выполняют в узбекской паремиологии функцию, аналогичную соответствующей группе в русском языке, однако нередко несут дополнительную религиозно-этическую коннотацию, восходящую к исламской традиции.

Проведённое сопоставление тематико-семантических групп существительных в русском и узбекском пословичном материале позволяет сделать ряд обобщений.

Во-первых, состав базовых тематических групп существительных в обоих языках демонстрирует значительное типологическое сходство: в обеих паремиологических системах выделяются группы «человек», «семья и родство», «природа», «животный мир», «предметы быта», «абстрактные понятия». Данное сходство объясняется универсальным, общечеловеческим характером житейского опыта, зафиксированного в пословицах: независимо от языка и культуры человек осмысляет одни и те же фундаментальные сферы бытия – труд, семью, дружбу, природу, судьбу.

Во-вторых, при совпадении общего набора тематических групп обнаруживаются существенные различия в их внутреннем лексическом наполнении и удельном весе, обусловленные различиями хозяйственно-культурного уклада. Так, в русском материале заметно выше продуктивность лексики, связанной с лесным и полевым земледелием умеренного климатического пояса (лес, поле, рожь, овёс), тогда как в узбекском материале преобладает лексика ирригационного земледелия и садоводства аридной зоны (арик, боғ, узум, тут). Аналогичным образом различается состав зоонимической группы: если в русских пословицах ведущую роль играют образы волка, медведя и коня, то в узбекских – образы верблюда, осла и барана, что отражает особенности традиционного скотоводства региона.

В-третьих, группа существительных, обозначающих семейно-родственные отношения, в узбекском языке отличается большей дифференцированностью, что связано с более разветвлённой системой терминов родства и социальной иерархии старшинства в традиционном узбекском обществе. Данное различие находит прямое отражение в содержании пословиц, посвящённых теме уважения к старшим, семейной иерархии и коллективной ответственности внутри рода.

В-четвёртых, абстрактные существительные морально-этической семантики (правда, честь, труд – ҳақиқат, ор-номус, меҳнат) в обоих языках выполняют сходную прагматическую функцию – служат средством выражения оценки и морального назидания, однако в узбекском материале данная лексика чаще сопровождается имплицитной либо эксплицитной отсылкой к религиозно-этическим нормам ислама, тогда как в русском материале морально-этическая оценка носит более секуляризованный, житейски-практический характер.

Наконец, необходимо отметить, что количественное соотношение тематических групп в обоих языках в целом устойчиво повторяет иерархию: группа «человек и его качества» > группа «семья и родство» > группа «природа» ≈

группа «животный мир» > группа «предметы быта» > группа «абстрактные понятия». Данная иерархия свидетельствует о преимущественно антропоцентрическом характере паремиологической картины мира как в русской, так и в узбекской лингвокультуре.

Проведённое сопоставительное исследование тематико-семантических групп имён существительных в русских и узбекских пословицах и поговорках показало, что при общем структурном сходстве базового набора тематических групп, обусловленном универсальным характером житейского опыта, конкретное лексическое наполнение этих групп в значительной степени определяется особенностями хозяйственно-культурного уклада, природно-географической среды и религиозно-этических представлений соответствующего народа.

Тематико-семантическая классификация существительных, таким образом, представляет собой эффективный инструмент как для типологического сопоставления паремиологических систем разноструктурных языков, так и для реконструкции национально специфических фрагментов языковой картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
2. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тилининг паремиологик фонди: тузилиши ва мазмуни. – Тошкент: Фан, 1992. – 164 б.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник. – М.: Художественная литература, 1989. – 431 с.
5. Ўзбек халқ мақоллари / тузувчи Ш. Шомақсудов, Ш. Шораҳмедов. – Тошкент: Ўзбекистон, 2003. – 512 б.